

Всемогущій случай, или творчество Божіе?

Богъ, таинственнымъ путемъ, присутствуетъ тамъ, гдѣ Его ищутъ, и отсутствуетъ тамъ, гдѣ Его забываютъ.

Рескинъ.

Не смотря на то, что позитивистическія ученія, выросшія, въ свое время, изъ воззрѣній Конта, и переродившіяся, затѣмъ, въ чистѣйшій агностицизмъ современныхъ сторонниковъ „чистаго опыта“ (Авенариуса, Маха, Кирхгоффа и пр.), совершенно сознательно закрываютъ глаза въ направленіи первопричинъ и первоосновъ всего сущаго, тѣмъ не менѣе, умственный взоръ большинства человѣчества не перестаетъ, по прежнему, обращаться въ эту сторону. Да и само естествознаніе едва-ли имѣетъ право замыкаться лишь въ узкія рамки простыхъ соотношеній между доступными ему явленіями, хотя-бы и при всей увлекательности обосновывающагося на этомъ, повидимому безграничнаго прогресса прикладныхъ знаній и техники. Не даромъ-же, по мѣрѣ роста этихъ, ужь черезчуръ „матеріальныхъ“ успѣховъ прикладной науки, въ ея теоретическихъ глубинахъ все настойчивѣе возрождается жажда не эмпирическаго только, но и философскаго познанія природы.

„Лишь интересъ къ разрѣшенію высшихъ проблемъ бытія“—говоритъ Паульсенъ ¹⁾ „даетъ жизнь наукѣ, и, можетъ быть, самый важной функціей философіи является то, что она влечетъ мысль къ высшимъ проблемамъ и удерживаетъ науку отъ безцѣльнаго накопленія знаній.“

И если даже это накопленіе и не вполне безцѣльно, съ чѣмъ было-бы трудно согласиться опять таки съ той-же,

1) „Введеніе въ философію“, Введеніе, § 2.

„прикладной“ точки зрѣнія, то во всякомъ случаѣ, „цѣли“-то могутъ оказаться, при всей ихъ подчеркнутой осязательности, ужь слишкомъ „земными“, тѣлесными, спутывающими душу узами соблазна матеріальныхъ благъ и жизненныхъ удобствъ, заглушающихъ наиболѣе святыя порывы ея къ иному, нематеріальному небу.

Одной изъ основныхъ проблемъ философіи и, пожалуй, именно философіи естествознанія, является *онтологическая проблема*, ставящая передъ умомъ человѣка высокую задачу о первоосновахъ, неуклонно притягивающихъ мысль еще съ незапамятнаго момента перваго пробужденія, въ человѣкѣ, разумнаго самосознанія. Религія даетъ на этотъ вопросъ свой, вполне опредѣленный отвѣтъ; но и въ естествознаніи, и именно въ современной фазѣ его развитія, все настойчивѣе обнаруживаются попытки въ томъ-же направленіи. И надо сказать, что быть можетъ именно этому направленію, даже вопреки его собственному желанію, особенно помогаетъ то эмпириокритическое теченіе „философіи чистаго опыта“, что стремится такъ настойчиво къ ниспроверженію многихъ, доселѣ царившихъ научныхъ кумировъ, къ рафинированію научной мысли и, наконецъ, къ отчетливому обнаруженію всей *относительности* тѣхъ законовъ и выводовъ науки, которые еще недавно считались незыблемыми и всеобъемлющими законами вселенной ¹⁾. И дѣйствительно, эмпириокритицизмъ уже успѣлъ расшатать не одинъ объектъ научной вѣры, переопредѣлить не одну научную цѣнность: и все это почти

¹⁾ Насколько тяжело признаніе наличности этого для многихъ изъ наиболѣе горячихъ, хотя уже и запоздалыхъ, сторонниковъ отмирающаго позитивизма, можно судить напр. по тому, что недавно одинъ изъ маститыхъ русскихъ естествоиспытателей, въ пылу защиты до сихъ поръ еще очаровывающей его теоріи Дарвина, пытается, между прочимъ, объяснить глубоко философскій поворотъ современнаго нѣмецкаго естествознанія отъ Дарвина къ Ламарку слѣдующимъ, далеко не философскимъ мотивомъ: „Въ Германіи“—говоритъ онъ—„всѣ антипатіи (послѣ 1870 года) перешли съ французскаго народа на англійскій, какъ на единственный, стоящій, будто-бы, на пути къ осуществленію манія всемірнаго владычества, охватившей извѣстныя сферы нѣмецкаго народа. И вотъ, между учеными новѣйшей, имперской формаціи, стало условіемъ хорошаго тона отрицать „дарвинизмъ“, объявлять, что онъ находится „при послѣднемъ издыханіи“ и, за неимѣніемъ чего нибудь своего, оригинальнаго, подогрѣвать „ламаркизмъ“... (Тимирязевъ. „Основные черты развитія біологіи въ XIX ст.“ 1908, своска стр. 78).

Исключительно лишь путем все болѣе и болѣе могучей техники эксперимента, колоссально обостряющей прозрѣнія человѣческаго ума въ самыя темныя бездны физическаго бытія. Въ своей предыдущей статьѣ ¹⁾ я уже указалъ современную тенденцію къ тѣмъ „гипотезамъ раздробленія“, которыя какъ будто намекають на нѣкоторую, хотя можетъ быть и временную, но все-же растерянность современной научной мысли передъ почти внезапно открывшимися ей, новыми явленіями. Теперь мнѣ хотѣлось-бы, насколько позволятъ предѣлы простой журнальной статьи, указать на ту роль, которую все чаще и чаще начинаютъ играть различнаго рода „случайности“ на пути хотя-бы лишь гипотетическаго приближенія научной мысли къ исходнымъ пунктамъ доступныхъ ея изученію явленій космическаго и біологическаго порядка.

Подобно тому, какъ въ своей предыдущей статьѣ я старался построить на относительности объектовъ научной вѣры полную нравственную законность избранія пути вѣры религіозной, такъ теперь мнѣ хотѣлось-бы показать, что вѣра въ даже очень остроумно придуманныя, „научныя случайности“ тѣмъ не менѣе даетъ каждому изъ насъ полное нравственное право свободнаго выбора между „вѣрой во всемогущій случай“ и религіознымъ убѣжденіемъ въ творчествѣ Всемогущаго Бога. Конечно, на это можно возразить, что то, чему я присваиваю названіе „вѣры въ случай“ не есть, по существу, „вѣра“, а просто лишь одинъ изъ методологическихъ приѣмовъ при созиданіи временныхъ, „рабочихъ“ гипотезъ. Но, во первыхъ, эта „вѣра“ уже черезчуръ широко вторгается въ обиходъ естествознанія, а затѣмъ—я постараюсь показать, что какъ въ области космическихъ явленій, такъ и въ феноменахъ жизни, предполагаемыя „случайности“, какъ факторы первоосновъ, столь тѣсно связаны съ несомнѣннымъ научнымъ догматомъ о всеобщности и обязательности тѣхъ законовъ, которые *создавшій* ихъ, человѣческій разумъ столь гордо называетъ „мировыми“, что уже съ этой точки зрѣнія „научныя случайности“ получаютъ, для научной вѣры, не менѣе коренное значеніе, чѣмъ, на примѣръ, творчество Божіе—для вѣры

¹⁾ Богосл. Вѣстн. 1908 г. Февр.: „Богословіе и естествознаніе“.

религіозной. И вотъ именно поэтому-то необходимо признать, что люди съ религіознымъ складомъ души не могутъ быть ни въ какомъ случаѣ упрекаемы за то, что вмѣсто вѣры въ самый остроумный, но все-же совершенно недоказуемый, эмпирически, „случай“, они предпочитаютъ избрать вѣру въ столь-же недоказуемый, но зато совершенно ясный для ихъ внутренняго, религіознаго сознанія актъ творчества Божія.

Я счелъ-бы свою цѣль достигнутой, если-бы хотъ одинъ изъ колеблющихся не смутился въ сердцѣ своемъ когда его внутреннее чувство повлечетъ его къ Истинному, Живому Богу; Тому Богу, что во много разъ выше не только слѣпого случая науки, но даже своеобразно величественнаго, но мрачнаго въ своей безпредѣльной безличности, деистическаго Міроваго Разума. Намѣтивъ, такимъ образомъ, конечную цѣль своей статьи, я перейду, теперь, къ разсмотрѣнію, съ точки зрѣнія „научныхъ случайностей“, двухъ наиболее важныхъ вопросовъ онтологической проблемы: *о происхожденіи вселенной и о началѣ и развитіи жизни*, тѣмъ болѣе, что именно эти вопросы, въ то-же время, наиболее близко граничатъ и съ чисто религіознымъ ученіемъ о творествѣ Божіемъ.

I.

Если взглянуть внимательно въ прошлое историческаго процесса умственнаго роста человѣчества, то совершенно отчетливо выступаетъ рѣзкій поворотъ въ сторону научнаго раціонализма, какъ разъ совпадающій съ концомъ XVII столѣтія, когда Ньютонъ, установленіемъ основныхъ законовъ механики, а главное — открытіемъ всеобъемлющаго закона тяготѣнія, положилъ начало господствующему еще и до сихъ поръ механистическому воззрѣнію на природу. Овладевъ закономъ, управляющимъ, повидимому, какъ паденіемъ камня на землѣ, такъ и движеніемъ отдаленнѣйшихъ свѣтилъ, человѣческій разумъ сразу почувствовалъ себя чуть-ли не владыкой вселенной; передъ нимъ открылись безграничные, казалось, горизонты дальнѣйшаго научнаго прогресса, тогда какъ уровень чисто духовныхъ, а въ частности и религіозныхъ, интересовъ и настроеній началъ быстро понижаться, проявляясь лишь, время отъ времени, всплывш-

ками того мистицизма, что успѣлъ вырости, къ тому времени, въ противовѣсъ зародившемуся на столѣтіи раньше, религіозному раціонализму протестантства.

Религіозныя настроенія Паскаля, Декарта, Мальбранша и Лейбница быстро смѣнились мертвеннымъ пантеизмомъ Спинозы и расплывчатымъ деизмомъ англійскихъ мыслителей начала XVIII вѣка, выродившимся, наконецъ, уже въ чистѣйшій атеизмъ энциклопедистовъ и многочисленныхъ, болѣе мелкихъ дѣятелей знаменитой „эпохи просвѣщенія“. Но зато, въ области естествознанія, законъ всемірнаго тяготѣнія, въ качествѣ мірового закона, успѣлъ уже сдѣлаться, къ этому времени, однимъ изъ объектовъ самой горячей научной вѣры. И вотъ на этой-то почвѣ, но впрочемъ еще строго придерживаясь чисто метафизическихъ нормъ, и была сдѣлана, Кантомъ, первая попытка къ рѣшенію коренного вопроса о происхожденіи вселенной.

Космогонія Канта, созданная имъ около середины XVIII столѣтія ¹⁾, предполагала, что подъ вліяніемъ силы тяготѣнія, въ изначальномъ, равномерномъ-распредѣленномъ въ міровомъ пространствѣ хаосѣ образовались болѣе концентрированные, болѣе сгущенные клубы, одинъ изъ которыхъ и былъ родоначальникомъ нашей солнечной системы. Далѣе, образованіе изъ него планетъ шло уже по общеизвѣстному принципу выдѣленія ихъ подъ вліяніемъ центробѣжной силы вращенія первичнаго клуба около своей оси. Но хотя, увлеченный стройностью своихъ вычисленій, оказавшихся, впрочемъ (какъ это показали Гершель), далеко не вѣрными, Кантъ и высказалъ гордое предложеніе: „дайте мнѣ матерію, и я построю изъ нея міръ!“, но тѣмъ не менѣе изначальное, исходное зарожденіе, въ хаосѣ, гармоническихъ движеній міровыхъ системъ онъ считалъ возможнымъ приписать лишь Высшему Разуму. И даже болѣе того—онъ прямо положилъ этотъ фактъ въ основу своего физико-теологическаго доказательства бытія Божія ²⁾.

Почти черезъ полстолѣтіе Лапласъ ³⁾, и притомъ, повиди-

¹⁾ Анонимное сочиненіе его: „Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels“ появилось въ 1755 году.

²⁾ См. *Виндельбандъ*. Исторія нов. философіи, т. II, 1905, стр. 7.

³⁾ Первое изданіе его сочиненія: „Exposition du Systeme du Monde“ появилось въ 1796 году, но въ окончательномъ видѣ гипотеза Лапласа была установлена не ранѣе 1803 года.

тому, совершенно самостоятельно, высказываетъ вновь космогоническую идею Канта, подкрѣпляя ее всѣми данными современной ему, хорошо развитой механики. Но уже здѣсь, при всей сравнительной разработанности гипотезы, опиравшейся кромѣ того, и на эмпирическія данныя астрономіи (открытіе Урана со спутниками и цѣлаго ряда мелкихъ планетъ), общая точка зрѣнія была кореннымъ образомъ иная.

Лапласъ, во первыхъ, ограничилъ свое вниманіе лишь тѣмъ газовымъ клубомъ, изъ котораго произошла, по его идеѣ, солнечная система, а затѣмъ—и это для насъ главное—предположилъ, что этотъ клубъ обладалъ *изначальнымъ, медленнымъ вращеніемъ*, постепенно ускорившимся по мѣрѣ увеличенія концентрации ¹⁾. Такимъ образомъ, вопросъ о происхожденіи этого вращенія сразу-же отставлялся въ сторону, или, другими словами, абсолютная Первопричина мірообразования совершенно игнорировалась, а все вниманіе сосредоточивалось лишь на строго-математическомъ обоснованіи относительныхъ послѣдствій ея исходнаго вмѣшательства. Ставъ на такую, агностическую точку зрѣнія, столь настойчиво проводимую въ наукѣ и теперь, черезъ сто лѣтъ послѣ него, Лапласъ былъ лишь вполне послѣдовательнымъ, когда на вопросъ Наполеона по поводу его космогоніи: „А куда-же дѣвался, въ вашей системѣ, личный Богъ?“ гордо отвѣтилъ: „Мы не нуждаемся больше въ этой гипотезѣ!“ Такимъ образомъ, оказывалось, что Богъ, низведенный, ко времени Лапласа, до степени простой „гипотезы“, замѣнялся другой, лучшей.

Стройность Канта-Лапласовской гипотезы міроздавія была настолько велика, что очарованію ея было суждено владѣть умами человѣчества въ теченіи многихъ и многихъ лѣтъ.

¹⁾ Замѣтимъ, кстати, что, кромѣ „изначальнаго“ движенія, Лапласу пришлось еще признать и „изначальную“, крайне высокую температуру своей „изначальной“ туманности, дабы объяснить сгущеніе ея *постепеннымъ охлажденіемъ*. Въ послѣдствіи это предположеніе было исключено Гельмгольцемъ, путемъ его *контракціонной теоріи*, по которой вышло наоборотъ, что именно отъ сжатія (сгущенія) холодной (-200° С) туманности начала *концентрироваться теплота*, достигающая, въ настоящее время, на солидѣ, $+6000-7000^{\circ}$. Установленный къ этому времени законъ сохраненія энергіи привелъ, такимъ образомъ, къ *противоположному*, по повидимому болѣе справедливому выводу, такъ какъ развитіе тепла при сжатіи газа представляетъ собою общезвѣстный фактъ.

Этому способствовала, конечно, и ея крайняя внѣшняя простота, благодаря которой она быстро вошла въ элементарную физику, найдя себѣ даже довольно эффектное, хотя и поверхностное подтвержденіе въ общеизвѣстномъ школьномъ опытѣ Плато ¹⁾, интересной наглядностью котораго люди привыкали увлекаться еще на школьной скамьѣ. Гордо царившая почти до послѣдняго времени, Канто-Лапласовская гипотеза обходилась, въ тоже время, или совсѣмъ безъ всякой идеи о Первопричинѣ (по Лапласу), или же если и предполагала Ее, то (по Канту) не въ видѣ личнаго, живого Бога, а лишь въ туманномъ образѣ деистическаго Разума.

Въ теченіи долгой, послѣдовавшей за этимъ эпохи, выступившій на сцену религіозный критицизмъ, прежде всего обрушившійся на библейскую исторію міроздавія, конечно не преминулъ широко использовать кажущуюся общеобязательность Лапласовской гипотезы; но зато и первый удар еѣ было суждено получить отъ самой же науки, широко развивающей, въ настоящее время, именно обоудоострое, агностическое направленіе эмпириокритицизма, тоже, конечно, отказывающагося отъ всякихъ метафизическихъ первоосновъ, но безошаднаго и по отношенію къ наиболѣе чтимымъ, научнымъ кумирамъ.

Коренное противорѣчіе гипотезѣ Лапласа было указано еще въ эпоху ея возникновенія и состояло въ томъ, что, вопреки неизбѣжному выводу изъ нея, планеты вращаются около своихъ осей не такъ, какъ предписывается гипотезой, а какъ разъ въ обратномъ направленіи. Дальнѣйшія противорѣчія были обнаружены въ движеніи спутниковъ Урана (еще при жизни Лапласа), Нептуна (1847 г.), Марса (1877 г.) и, кромѣ того, въ необъяснимыхъ, по Лапласу, наклонахъ плоскостей ихъ орбитъ. Наконецъ кометы, которыя Лапласъ признавалъ „случайными міровыми странниками“, въ настоящее время уже совершенно увѣренно относятся къ нашей же солнечной системѣ, между тѣмъ какъ по Лапласовской гипотезѣ ихъ громадныя ²⁾ и чрезвычайно растяну-

¹⁾ Напомню, что опытъ Плато состоитъ во вращеніи клубка прованскаго масла, погруженнаго въ спиртъ и, при вращеніи, эффектно отдѣляющаго отъ себя кольца, распадающіяся, въ свою очередь, на элементарныя шарики.

²⁾ Напр. комета Мове имѣетъ періодъ обращенія вокругъ солнца въ 100 тысячъ лѣтъ!

тыя орбиты совершенно необъяснимы. Уже самъ Лапласъ вынужденъ былъ измыслить для примиренія главнѣйшихъ изъ этихъ противорѣчій весьма натянутыя предположенія; но не смотря на все это, а можетъ быть и именно поэтому, онъ высказываетъ слѣдующую мысль: „Столь необычныя явленія“—пишетъ онъ ¹⁾—„не происходятъ отъ неправильныхъ причинъ. Подвергая ихъ вѣроятность вычисленію, мы находимъ, что можно держать пари въ 200 тысячъ миллиардовъ противъ единицы, что они (эти явленія) *не суть произведенія случая*. А эта вѣроятность далеко превосходитъ вѣроятность большей части историческихъ событій, въ которыхъ никто не сомнѣвается. Поэтому мы, по крайней мѣрѣ съ такою-же увѣренностью, должны допустить, что всѣ планетныя движенія *направлены какою-то одной, первоначальной причиною*“. Послѣднее утвержденіе, впрочемъ, уже нѣсколько расходится съ его исходнымъ предположеніемъ объ „изначальномъ движеніи“, не только не признававшимъ никакой „направляющей“ первопричины, но даже исключавшимъ и самую „гипотезу Бога“.

Но дальнѣйшее развитіе космогоническихъ взглядовъ показало, что, въ конечномъ результатѣ, современная наука, по прежнему отказываясь отъ непріятныхъ ей „первопричинъ“, выдвинула, однако, на первый планъ именно тотъ „случай“, противъ котораго Лапласъ такъ самоувѣренно предлагалъ держать свое колоссальное пари.

Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, французскій астрономъ Фай ²⁾ выступилъ со своей знаменитой космогонической гипотезой, которой было суждено смѣнить, въ наукѣ, столь долго царившую въ ней гипотезу Канта-Лапласа. По Фаю, солнечная система образовалась изъ первичной туманности (хаоса) какъ разъ въ обратномъ направленіи, чѣмъ это предполагалось Лапласомъ, т. е. не центробѣжно, а центростремительно. Громадная, *темная и холодная* (около—200°С) масса первичной матеріи, съ плотностью въ билліонъ разъ меньшей плотности воздуха, пронизываемая, по различнымъ направленіямъ „потоками матеріи“ ³⁾, *начинаетъ*.

¹⁾ Exр. d. Syst. du Monde, Livre V, ch. VI. Курсивъ мой.

²⁾ Въ своемъ сочиненіи: „Sur l'origine du Monde“, 1884 (Есть русский переводъ: „Происхожденіе міра“, 1905).

³⁾ „По изъясненію древнихъ учителей—говорить еп. Сильвестръ — вы-

мало-по-малу, сгущаться, приходя въ медленное, но все болѣе и болѣе ускоряющееся движеніе, подѣ влияніемъ возникающаго въ ней, вихреобразнаго перемѣщенія частиць... Сгущаясь, хаотическая масса постепенно нагрѣвается и начинаетъ *свѣтиться*, (но еще задолго до температуры раскаленности) тѣмъ *холодными свѣтомъ*, что мерцаетъ и теперь въ т. н. неразложимыхъ туманностяхъ, состоящихъ, повидному, именно изъ такой, самосвѣтящейся космической матеріи (напр. туманность созвѣздія Оріона) ¹⁾. Благодаря все ускоряющемуся вращенію, сгущающійся клубъ постепенно распадается на отдѣльныя планетныя кольца, разбивающіяся, въ свою очередь, на планеты. Лишь въ послѣдствіи (послѣ планетъ), путемъ стягиванія космическаго вещества къ центру, возникаетъ центральное ядро—солнце, достигающее, наконецъ своей высокой температуры, т. е. въ буквальный смыслѣ загорающееся лучами свѣта и тепла. Такимъ образомъ, по Фаю выходитъ, что земля и остальные планеты, до Сатурна включительно, *образовались до появленія солнца*, а дальнѣйшія (Уранъ и Нептунъ)—послѣ него.

Гипотеза Фаю имѣетъ, сравнительно съ лапласовской, болѣешую цѣнность, такъ какъ легко справляется почти со всѣми астрономическими трудностями ²⁾. Въ основу этой гипотезы,

раженіе: „Духъ Божій носился надъ водою“ обозначаетъ собою то, что *Духъ Святый согрѣвалъ и оживотворялъ мировое вещество*, чтобы сдѣлать его способнымъ къ произведенію предназначенныхъ тварей“, и далѣе: „Поэтому, намъ кажется, не будетъ насиліемъ или противорѣчіемъ священному тексту, если предположить, что зародышъ земли, до принятія того окончательнаго своего вида, какой имѣлъ получить въ теченіи изображаемыхъ Моисеемъ шести дней творенія, проходилъ черезъ многія и разныя ступени и формы своего развитія“ (Опытъ правосл. догматич. богословія, т. III, 1898, стр. 117—118, Курсивъ мой). Не есть ли „потокъ матеріи“ лишь грубо-матеріалистическое истолкованіе того, что для всякаго вѣрующаго является несравненно болѣе реальнымъ фактомъ, чѣмъ даже лишь простая попытка вообразить вещество, въ билліонъ разъ болѣе разрѣженное, чѣмъ воздухъ?

¹⁾ Быть можетъ такое свѣченіе обусловлено „лучистымъ“ состояніемъ матеріи, соотвѣтствующимъ, по гипотезѣ Крукса, высокимъ степенямъ разрѣженности газозъ, при прохожденіи черезъ нихъ *потоковъ* электрической энергіи.

²⁾ Интересно отмѣтить, что гипотеза Фаю даетъ очень знаменательныя совпаденія съ тѣмъ, что повѣствуется въ Библии. Такъ, напр. она, вполне согласно съ кн. Бытія, указываетъ на появленіе земли *прежде солнца* и свѣта—*по свѣтилъ*. Последнимъ обстоятельствомъ, между прочимъ, не-

какъ мы видѣли выше, полагается существованіе изначаль-ныхъ „потоковъ матеріи“, могущихъ, при извѣстныхъ усло-віяхъ, порождать весьма разнообразныя „міровыя вихри“, о которыхъ, въ свое время, мечталъ еще Декартъ. Такимъ образомъ, здѣсь приходилось предположить возникновеніе *совершенно случайныхъ* комбинацій „потоковъ матеріи“, порождающихъ изначальный вихрь. Но на ряду съ этимъ, путемъ термодинамическихъ соображеній, были сдѣланы попытки опять вернуться къ изначальному теплу для того, чтобы какъ нибудь обойти космогенетическія случайности „потоковъ“ и „вихрей“. Такъ нѣмецкій профессоръ-механикъ Августъ Риттеръ ¹⁾, незадолго до появленія гипотезы Фая, предложилъ свою гипотезу „пульсирующихъ сферъ“, но это очевидно было лишь простымъ перенесеніемъ все той же *случайности* съ изначальнаго вихря на столь же случайное начало „пульсацій“. Наконецъ, въ самое послѣднее время, идеи Риттера, разработанныя, въ чрезвычайно трудной формѣ, Эмденомъ, привели опять къ чисто *случайному* образованію центровъ скопленія, но уже не газовыхъ массъ, а космической пыли (Staubmassen) ²⁾ и, наконецъ, какъ у Эмдена такъ, напр. и у Аррениуса ³⁾, къ уже прямо *случайному* столкновенію космическихъ массъ съ какимъ нибудь блуждающимъ или, вѣрнѣе, „заблудившимся“ небеснымъ

ключается знаменитый „Смердяковский вопросъ“ („Братья Карамазовы“ кн. III, гл. VI), не мало использованный дешевымъ скептицизмомъ.

Кромѣ того, какъ извѣстно, уже самъ Фай, хотя и въ весьма робкой формѣ, пытался примѣнить свою гипотезу къ истолкованію космогоническихъ данныхъ книги Бытія, въ своемъ докладѣ Сорбоннѣ, въ 1854 г. (См. статью проф. *Глаголева*: „Новая теорія происхожденія міра“ въ Правосл. Обзорѣніи за 1889 г., № 1).

¹⁾ А. Ritter Anwendungen der Mechanischen Wärmethorie auf kosmologische Problem, 1879.

²⁾ Emden. Gaskugeln. Anwendungen der Mechanische Wärmethorie au kosmologische und meteorologische Problem, 1907, 14 Kap., §§ 3, 14, и. а. Замѣчу, кстати, что поддерживаемая Эмденомъ теорія попеременныхъ „пульсацій“, сопровождавшихся то возникновеніемъ, то исчезновеніемъ свѣченія первичной думанности, даетъ, пожалуй, возможность, до извѣстной степени, отвѣтить и на то: въ какомъ смыслѣ можно было бы рѣшить вопросъ о томъ, что слѣдуетъ понимать, въ Вибліи, подъ „утромъ и вечеромъ“ первыхъ трехъ дней творенія (Ср. *Сильвестръ*. Опытъ прав. дог. богословія, т. III, 1898, стр. 111).

³⁾ Аррениусъ. „Образованіе міровъ“, 1908, стр. 179.

тѣломъ. Такое столкновение и вызываетъ первичную пульсацию, но однако еще и при содѣйствіи особаго рода „взрывчатыхъ веществъ“, въ составѣ которыхъ фигурируетъ, между прочимъ, даже столь таинственное вещество, какъ небулій, и названный то такъ лишь потому, что, кромѣ спектроскопическаго обнаруженія его въ туманностяхъ, о немъ сказать ничего нельзя.

Существуютъ и другія космогоническія гипотезы, напр.: *метеоритная гипотеза* Локіера, почти не отличающаяся отъ лапласовской и лишь замѣняющая первичную туманность роємъ метеоритовъ; очень сложная, *приливная гипотеза* Дж. Дарвина, исходящая уже не изъ чудовищно разрѣженной туманности, но отъ изначальнаго „вязкаго“ тѣла, подвергающагося деформирующему дѣйствию „приливовъ“ подѣ влияніемъ притяженія ближайшихъ небесныхъ тѣлъ; *гипотеза спиральной туманности* Чемберлена-Мультона, вновь выдвигающая *случайное* столкновение небесныхъ тѣлъ какъ причину возникновенія туманной спирали, и цѣлый рядъ случайностей—для образованія планетарныхъ узловъ ¹⁾. Однимъ словомъ, на всемъ протяженіи работы человѣческой мысли надъ разрѣшеніемъ космогонической задачи, царить все одинъ и тотъ же „всемогущій случай“, заколдованный кругъ котораго лишь постоянно мѣняетъ свою форму, но никогда не исчезаетъ. И дальше этого не можетъ, или, вѣрнѣе, не хочетъ направляться умственный взоръ современнаго человѣка, черезчуръ гордаго, въ области науки, своими вѣшними, прикладными успѣхами ²⁾.

¹⁾ Краткій обзоръ всѣхъ этихъ теорій можно найти въ книжкѣ *Мультона*: „Эволюція солнечной системы“, 1908.

²⁾ Само собой очевидно, впрочемъ, что необходимость придумыванія различныхъ „изначальностей“, проходящая красной нитью черезъ всѣ космогоническія гипотезы, уже есть не что иное, какъ или чистѣйшій агностицизмъ, или же молчаливое признаніе нѣкаго изначальнаго Творчества, назвать которое Его истиннымъ Именемъ мѣшаетъ лишь прочно укоренившійся шаблонъ научной мысли. Типичнымъ образцомъ очень простаго и рѣшительнаго сужденія объ одной изъ „изначальностей“ можетъ служить слѣдующее, въ сущности ничего не говорящее и не объясняющее, мнѣніе Геккеля о происхожденіи движенія (вторая міровая загадка Дюбуа Раймонда): „Движеніе есть такое же постоянное и первичное свойство субстанціи, какъ и ощущеніе“ („Міров. загадки“, перев. подѣ ред. проф. Шамкевича, 1907, стр. 249).

II.

Посмотримъ, теперь, какую роль играетъ случай въ другомъ коренномъ вопросѣ онтологической проблемы, именно въ вопросѣ о *происхожденіи и развитіи жизни*. Не трудно будетъ показать, что здѣсь онъ царитъ еще полновластнѣе.

Разница между неорганизованной, „мертвой“ матеріей и хотя бы самой простѣйшей клѣткой, или даже комочкомъ „живой“ плазмы, неизмѣримо велика. И велика она даже не исключительно лишь съ химической точки зрѣнія, такъ какъ напр. неорганической химіи извѣстны соединенія углерода и азота (т. н. циановыя соединенія), которыя, многими своими свойствами настолько близки, по внѣшности, къ „живой“ матеріи, что пожалуй можно согласиться съ названіемъ ихъ *полуживыми* ¹⁾. Но эта „полужизнь“, характеризуемая лишь нѣкоторыми аналогіями съ жизненными свойствами организованнаго вещества, еще безконечно далека отъ „жизни“ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Весь вопросъ вѣдь заключается, здѣсь не въ томъ или иномъ химическомъ происхожденіи плазмы, а въ томъ—какъ и Кто вдохнулъ жизнь въ тотъ „земной прахъ“ (Ср. Быт. II, 7), что оказался наиболѣе подготовленнымъ къ воспріятію „живой души“.

Мечты о „первичной плазмѣ“ являются такимъ же конькомъ біогенетическихъ построеній, какъ и „первичное движеніе“—гипотезъ космогенезиса. Даже еще въ сравнительно недавнее время (въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія) Гексли пытался открыть пресловутый „организмъ глубинъ“ (Bathylus Naeskeii), оказавшійся, однако, при ближайшемъ изслѣдованіи лишь просто комочкомъ неорганизованной слизи, образовавшейся подъ вліяніемъ случайнаго броженія того органическаго морского ила, въ которомъ было сдѣлано это открытіе.

Не менѣе бесплодными оказываются и попытки связать органическое съ неорганическимъ хотя бы лишь на морфологической почвѣ, гдѣ очень заманчивую аналогію съ про-

¹⁾ Интересно отмѣтить, кстати, что именно циановыя соединенія представляютъ собою въ высшей степени ядовитыя вещества, безусловно губительныя для всякой жизни.

стѣйшими живыми существами обнаруживаютъ кристаллы, съ ихъ зарождеіемъ, развитіемъ, индивидуальными формами и даже, въ глазахъ черезчуръ ретивыхъ дарвинистовъ, съ чуть ли не своего рода борьбою за существованіе, взаимнымъ пожираніемъ, болѣзнями, и т. п. ¹⁾ Но не смотря на новѣйшія, сами по себѣ весьма интересныя эксперименты Лемана надъ т. н. „жидкими кристаллами“ ²⁾, и здѣсь дѣло не идетъ дальше лишь болѣе или менѣе остроумнаго развитія все той же поверхностной аналогіи. Впрочемъ здѣсь даже и самъ авторъ не претендуетъ на что-либо большее, чѣмъ простая „надежда заглянуть глубже въ тайники молекулярныхъ силъ и молекулярнаго строенія вещества“ (стр. 41).

Я не буду, да и не могу, въ предѣлахъ простой статьи, приводить безчисленныхъ попытокъ „оживить“ неорганизованную матерію, какъ естественныхъ послѣдствій молчаливо признаваемой многими изъ натуралистовъ вѣры въ возможность „произвольнаго зарожденія“ (*generatio spontanea*), слѣды которой можно найти какъ у Аристотеля, Плинія и даже Вергилія (*Georgica*, IV, 197—201), такъ и у современнаго намъ Бёрка, производившаго свои наблюденія, впрочемъ, уже не надъ гніющимъ мясомъ, или весенними листьями, а надъ тонко изготовленной, желатиной массой, подвергавшейся дѣйствию все того же, столь таинственнаго радія. Отмѣчу лишь, что уже изъ одного только предположенія возможности первичнаго зарожденія тотчасъ же, и совершенно логически, вытекаетъ „первичная случайность“ возникновенія потребовавшихся, нѣкогда, для этого физико-химическихъ комбинацій. Если же согласиться съ мнѣніемъ Нэгели, охотно раздѣляемымъ даже столь ревностнымъ противникомъ всякаго чуда, какъ Геккель, что „отрицать произвольное зарожденіе значитъ провозглашать чудо“, то здѣсь уже мы попадаемъ въ заколдованный кругъ чудесъ, такъ какъ едва-ли и само произвольное зарожденіе, въ тѣхъ формахъ, какъ оно выставляется горячими рационалистами, не есть тоже чудо, но лишь чудо совершенно *случайное*.

И здѣсь научная мысль не рѣшается, подъ страхомъ нарушенія общепринятаго шаблона, назвать по имени истинную

¹⁾ См. *Сабатъс*. „Жизнь и смерть“, перев. Обреимова, 1898.

²⁾ *Леманъ*: „Жидкіе кристаллы и теорія жизни“, 1903.

Причину явленія даже и въ столь сдержанной формѣ, какъ это не побоялся сдѣлать Дюбуа-Раймондъ, говоря, въ своей послѣдней рѣчи о неовитализмѣ: „Нужно было Божественное Всемогущество, чтобы въ незапамятныя времена, однимъ *актомъ творчества* была создана вся міровая матерія и снабжена нерушимыми законами, благодаря которымъ вездѣ, гдѣ существуютъ условія возникновенія и развитія органической жизни, какъ на нашей планетѣ, возникли простѣйшіе организмы“ ¹⁾.

Но при всемъ этомъ, все-таки остается совершенно неразрѣшенной, да едва-ли когда и разрѣшимой, задача о громадномъ скачкѣ отъ хотя-бы и очень „органическаго“ по своему химическому составу вещества къ веществу или, вѣрнѣе, *существо* живому—клѣткѣ. „Первая живая клѣтка“—говоритъ проф. Франсэ ²⁾—„не могла-бы совершать соответствующихъ ея потребностямъ поступковъ, если-бы уже на *дожизненныхъ* ступеняхъ, въ физико-химическихъ процессахъ, не дѣйствовала *сила сужденія*, въ видѣ простѣйшихъ, телеологическихъ реакцій“. Здѣсь мы встрѣчаемъ очень популярную среди современныхъ натуралистовъ ламарковского направленія попытку обойти роковой „случай“ анимистическимъ путемъ. Но вѣдь это очень не далеко уходитъ и отъ геккелевскаго предположенія не только о своего рода клѣточномъ сознаніи, но даже о возможности, будто-бы, явленія клѣтками „удовольствія и неудовольствія“ ³⁾—а это уже не что иное, какъ чистѣйшій гилозоизмъ, который еще по мнѣнію Канта „представляетъ гибель для естествознанія“ ⁴⁾, возвращая научную мысль чуть-ли не ко временамъ Эмпедокла. Да и кромѣ того, конечно, сведеніе дѣла хотя-бы даже и къ очень тонкой „первоосновѣ“ клѣточной души по существу нисколько не рѣшаетъ коренного вопроса о происхожденіи жизни, совершенно также, какъ различныя „отъ вѣка существующія“ причины не даютъ рѣшенія космогенетической проблемы. Этимъ лишь просто, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, выбрасывается за бортъ все то, что совершенно сознательно устраняется изъ научныхъ построеній прямоли-

1) Франсэ. „Философія естествознанія“. 1905. стр. 63; курсивъ мой.

2) Франсэ. тамъ-же стр. 63; курсивъ мой.

3) Ср. „Міров. загадка“, стр. 228.

4) Ср. Челпановъ. „Введеніе въ философію“ 1907.. стр. 212.

нейнымъ и добросовѣстнымъ агностицизмомъ. Но скрыться отъ одной изъ наиболѣе волнующихъ загадокъ бытія въ агностическіе, прикладные выводы столь же невозможно, какъ нельзя страусу спастись отъ преслѣдователей, зарывая голову въ песокъ пустыни.

И вотъ, на этой почвѣ, начинаются безчисленныя блужданія въ области всевозможныхъ, иногда очень остроумныхъ догадокъ, предположеній, а иногда и просто фантазій, лишь-бы подъ гнетомъ прочно укоренившагося, раціоналистическаго шаблона, не признаться, даже косвенно, въ возможности вмѣшательства творческой силы Духа Божія, на что хватаетъ рѣшимости лишь у гигантовъ мысли, вроде Гартмана, не боящагося довольно отчетливо развивать напр. идею о проявленіи творчества Божія въ процессѣ развитія жизни. ¹⁾ А между тѣмъ, царство всемогущаго „случая“ растетъ и множится. Такъ, напримѣръ, тотъ-же Арреніусъ, обосновываясь на своей теоріи давленія свѣтовыхъ лучей на частицы космической пыли, пытается возродить уже довольно старое предположеніе о возможности возникновенія жизни на землѣ путемъ *случайнаго* занесенія на нее, въ соотвѣтствующую эпоху ея развитія, вполне готовыхъ, организованныхъ зародышей и споръ, носящихся въ міровомъ пространствѣ, но существующихъ, конечно, „отъ вѣка“ ²⁾. Кромѣ довольно сомнительныхъ соображеній о способахъ перемѣщенія споръ въ пространствѣ, о возможности сохраненія ихъ жизнеспособности въ теченіе милліоновъ лѣтъ, въ чудовищныхъ температурахъ (—220°, и ниже) и въ соотвѣтствующей, почти абсолютной сухости мірового пространства, особенно характерными, съ нашей точки зрѣнія, являются слѣдующія слова знаменитаго ученаго: „Но подобно тому, какъ среди билліоновъ зернышекъ цвѣточной пыли, которую вѣтеръ разноситъ съ большого дерева, на-

¹⁾ *Ed. v. Hartmann. Das Problem des Lebens, 1906, SS. 238, 265 и пр.* Ср. также Франкэ, цит. соч., стр. 55. Книга Гартмана цѣнна еще и предпосылаемымъ ей, очень обстоятельнымъ обзоромъ цѣлаго рода научныхъ взглядовъ, приведшихъ отъ Дарвина къ современному неовитализму.

²⁾ Это ученіе, извѣстное подъ названіемъ *панспермизма*, появилось, впервые, въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія (Гюйонъ де Монливо), а затѣмъ получило развитіе у Рихтера (въ 60-хъ годахъ), и, наконецъ, нашло себѣ даже столь могучихъ сторонниковъ, какъ лордъ Кельвинъ. См. *Арреніусъ: „Образов. міровъ“*, гл. VIII.

примѣръ ели, въ среднемъ, только одно даетъ начало новому дереву,—точно также, вѣроятно, *лишь одинъ* изъ билліоновъ, или, можетъ быть триллионовъ, зародышей, которые уносятся давленіемъ лучей съ планетъ въ пространство, можетъ попасть на планету, не тронутую еще до того времени жизнью, и стать, здѣсь, производителемъ многообразныхъ живыхъ существъ“¹⁾. Такимъ путемъ матеріалистическое, или, какъ его принято называть теперь, монистическое направленіе научной мысли стремится свести къ одному и тому-же принципу *случайности выживанія* одного изъ триллионовъ зародышей возникновеніе всей неизмѣримой сложности жизненныхъ формъ, начиная съ амебы и кончая мозгомъ Ньютона. Получается, хотя и цѣною большихъ натяжекъ, странный выводъ, отчетливо запечатлѣнный, однако, все тою-же искусственностью чисто рачіоналистическаго построенія.

III.

Обращаясь отъ вопроса о происхожденіи жизни къ не менѣе существенному вопросу объ ея развитіи, мы сталкиваемся, въ настоящее время, съ двумя теченіями научной мысли: явно отживающимъ *дарвинизмомъ* и возрождающимся *ламаркизмомъ*. Едва-ли надо повторять²⁾ все то, что было не разъ высказываемо относительно роли случая въ дарвиновой теоріи происхожденія видовъ, опирающейся на чистѣйшую случайность появленія выгодныхъ для вида особенностей. Искусственность этого, само по себѣ весьма остроумнаго предположенія, выставлялась очень часто, и едва-ли не она главнымъ образомъ и вызвала современный поворотъ естествознанія назадъ, къ Ламарку. Человѣческому уму черезчуръ трудно примириться со „случайностью“, а особенно если она возводится въ принципъ и стремится гордо

1) Ibid., стр. 196; куренвъ мой.

2) Думается, что это особенно излишне, здѣсь, потому, что быть можетъ ни одна изъ натуралистическихъ гипотезъ, почему-то, не подвергалась столь горячему и даже яростному нападенію съ богословской стороны. Ломаніе копій по этому поводу продолжается и до сихъ поръ, хотя уже скоро, повидимому, относительно рабочей гипотезы Дарвина, сыгравшей, безспорно, очень большую схематизирующую роль, придется примѣнить правило: *De mortuis nihil nisi bene*.

вопариться, путемъ грубаго насилія ограниченнаго эксперимента надъ однимъ изъ самыхъ глубокихъ философскихъ запросовъ духа. И вотъ начинаются попытки обойти и здѣсь „случай“, но уже путемъ болѣе или менѣе остроумныхъ софизмовъ. Такъ Ланге, явно не симпатизирующій дарвинизму, не отваживается, однако, высказаться рѣшительнѣе слѣдующаго, нѣсколько туманнаго сужденія о происхожденіи видовъ: „То, что мы называемъ, въ развитіи видовъ, *случайностью*,“—говоритъ онъ,—„не есть случайность съ точки зрѣнія *закономѣрности природы*, такъ какъ механизмъ этого развитія дѣйствуетъ по естественнымъ законамъ, а съ точки зрѣнія челоуѣкообразно *предусматривающаго и разсчитывающаго разума*; тамъ-же, гдѣ мы, въ органахъ животныхъ и растеній, находимъ цѣлесообразность, мы должны принять, что вслѣдствіе вѣчнаго истребленія всѣхъ слабыхъ, были уничтожены безчисленныя, менѣе цѣлесообразныя формы, и то, что существуетъ, есть только *счастливый частный случай* (курсивъ мой) въ океанѣ рожденія и смерти. Такой взглядъ является, въ сущности, только отрывкомъ столь ославленной философіи Эмпедокла“¹⁾... Другіе, менѣе остроумные, и въ то-же время болѣе горячо убѣжденные, сторонники теоріи отбора пытаются отдѣлаться отъ случая просто возводя его въ основной принципъ и думая, что изъ массы случайностей, которыми безспорно наполнена и природа, и жизнь, при извѣстныхъ условіяхъ ихъ массоваго суммированія, можетъ выйти извѣстная закономѣрность. Но уже это, конечно, есть не что иное, какъ явное *petitio principii*. Такъ, на примѣръ, проф. Тимирязевъ, въ своей статьѣ: „Дарвинизмъ передъ судомъ философіи и нравственности“²⁾, горячо вооружась противъ еще болѣе горячаго антидарвиниста—Данилевскаго, приводитъ слѣдующія слова Руссо: „Если мнѣ придуть сказать, что случайно разсыпавшійся типографскій шрифтъ расположился въ Энеиду, я шага не сдѣлаю, чтобы провѣрить эту ложь“, а затѣмъ, далѣе (стр. 222), говоритъ: „Дарвинъ могъ-бы отвѣтить Руссо, что его естественный отборъ именно и есть тотъ механизмъ, который

¹⁾ Ланге. Исторія матеріализма, пер. подъ ред. Вл. Соловьева, т. II, 1900, стр. 158.

²⁾ Въ сборникѣ: „Насущныя задачи современнаго естествознанія“, 1908, стр. 213.

вѣчно разсыпающійся наборъ органическихъ формъ слагаетъ въ ту, гораздо болѣе изумительную, чѣмъ Энеида, книгу, которую самъ Руссо назвалъ книгой природы“ и подкрѣпляетъ, затѣмъ, свой отвѣтъ напр. тѣмъ, что при сортировкѣ сѣмянъ черезъ сито, въ концѣ концовъ, послѣ всѣхъ случайностей ихъ расположенія, все-таки просѣивается то, что нужно, или, что напр., не смотря на массу случайностей, возникающихъ при треніи паровознаго колеса по рельсу, можно, въ концѣ концовъ, все-таки навѣрняка доѣхать изъ Москвы въ Петербургъ, и т. д. (стр. 221).

Но замѣтимъ, что прежде всего, въ примѣрѣ Руссо, уже никоимъ образомъ Вергилія нельзя счесть „механизмомъ“, а тѣмъ болѣе, въ примѣрѣ Тимирязева, Того, кто написалъ великую книгу природы, но Кого проф. Тимирязевъ, конечно, не рѣшится назвать ея авторомъ. Что же касается его подкрѣпляющихъ примѣровъ, то вѣдь даже простое сито, а не только сложная сортировка, есть созданіе человѣческаго ума, и лишь *черезъ нее*, а не какимъ-то невѣдомымъ „механизмомъ“, просѣиваются зерна. Здѣсь цѣлесообразное созданіе человѣческаго ума или, общѣе, *воли*, уничтожаетъ индивидуальность случайностей, какъ это происходитъ постоянно и въ жизни, и въ доступныхъ человѣческому вліянію областяхъ природы. Точно также, если-бы, вмѣсто довольно туманнаго „тренія“, проф. Тимирязевъ взялъ, для своего примѣра случайныя установки стрѣлокъ не только на всемъ пути отъ Москвы до Петербурга, а лишь въ предѣлахъ одной московской станціи, то можно было-бы съ увѣренностью сказать, что онъ не доѣхалъ-бы нетолько до Петербурга, но и до ближайшаго полустанка ¹⁾. А вѣдь именно этотъ примѣръ былъ-бы особенно кстати тамъ, гдѣ, какъ въ полемикѣ противъ Дарвина, споръ идетъ именно о *направленіи* того или иного видоизмѣненія въ полезную сторону.

¹⁾ Я долженъ извиниться за нѣкоторую тривиальность примѣра, избраннаго, впрочемъ не мною, а горячимъ защитникомъ дарвинизма, особенно очень распространенному приему воздѣйствія такими „удобопонятными“ примѣрами на публику, для которой пишутся популярныя статьи. Стоитъ лишь просмотрѣть помѣщенную въ томъ-же сборникѣ, и столь любовно переведенную проф. Тимирязевымъ статью проф. Больцмана: „Автиметафизикъ“, чтобы вайти тамъ цѣлый рядъ еще болѣе тривиальныхъ, и даже прямо плоскихъ полемическихъ выпадовъ и сравненій.

Но оставимъ все это, что уже много разъ, и на разные лады, высказывалось въ научномъ спорѣ дарвинистовъ съ неоламаркистами ¹⁾ а въ богословской, апологетической литературѣ коментировалось, подѣ часъ, съ излишнимъ рвеніемъ. Но пусть даже болѣе глубокое, съ философской стороны, ученіе Ламарка справедливо заступитъ мѣсто дарвинистическихъ, черезчуръ уже схематичныхъ случайностей, всетаки, съ нашей точки зрѣнія, и это будетъ лишь перенесеніемъ все того-же раціоналистическаго „случая“, такъ сказать, съ поверхности развитія жизни въ ея интимнѣйшія глубины.

Напомню, что коренная разница между ученіями дарвинистовъ и ламаркистовъ заключается въ томъ, что, у Дарвина, измѣнчивость особей, приводящая, путемъ отбора, къ выживанію приспособленнѣйшихъ, ничѣмъ не управляется, *не имѣетъ направленія* ²⁾, присущаго именно всѣмъ механическимъ процессамъ, въ ряды которыхъ претендуетъ стать и „механизмъ“ отбора. А коли такъ, то конечно, всякое коренное отклоненіе даннаго существа отъ своихъ родичей является чистой случайностью. Путь развитія оказывается чисто *пассивнымъ*, и вмѣстѣ съ тѣмъ, требующимъ тысячелѣтій для созданія хотя-бы одного изъ тѣхъ, удивительныхъ по своей сложности органовъ, поражающихъ, кромѣ того, и своею *цѣлесообразностью*, каковымъ, напр. является глазъ ³⁾. Сущность ученія Ламарка состоитъ въ предположеніи эволюціи организмовъ путемъ *активнаго* приспособленія къ условіямъ окружающей среды, при помощи вынужденнаго *упражненія* того или иного органа, понимая, конечно, этотъ, нѣсколько узкій терминъ въ наиболѣе широкомъ смыслѣ. Здѣсь уже *направленіе* развитія жизненнаго процесса выступаетъ вполне отчетливо въ видѣ или вполне яснаго, или-же смутнаго, „подсознательнаго“ стремленія къ опредѣленной цѣли совершенствованія жизненныхъ формъ въ смыслѣ наилуч-

1) Главные аргументы этого спора очень обстоятельно, но, къ сожалѣнію не безъ совершенно излишнихъ полемическихъ эксцессовъ, изложены въ книгѣ *Богословскаго*: „Развитіе жизни“, 1908.

2) Ср. *Франсэ* цит. соч., стр. 33.

3) Какъ извѣстно, до сихъ поръ дарвинизмъ не далъ сколько нибудь удовлетворительнаго отвѣта, между прочимъ, именно на вопросъ о происхожденіи органа зрѣнія.

шаго приспособленія ихъ къ чисто внѣшнимъ, управляемымъ незыбкими законами, условіямъ окружающей ихъ, неорганизованной среды. Съ этой точки зрѣнія, дарвиновскій „отборъ“, приводящій къ жестокому принципу борьбы за существованіе, можетъ быть лишь факторомъ разрушенія, а не созиданія, а между тѣмъ еще Клодъ Бернаръ ¹⁾ опредѣлялъ жизнь именно какъ процессъ созиданія, творчества, совершенствованія, непрестанно развивающійся на почвѣ лишь сопутствующаго ему органическаго распада, переводящаго отбросы жизни въ неорганическую форму все вновь организующихся элементовъ природы ²⁾. Но при всемъ томъ и въ гипотезѣ Ламарка не трудно открыть все тотъ же, исходный элементъ „случайности“, хотя и проявляющійся въ несравненно менѣе грубой формѣ. Если строго стать на точку зрѣнія ламаркизма, то уже возникновеніе чрезчуръ разнообразныхъ органовъ, служащихъ для выполненія приблизительно одинаковыхъ функций (напр. глазъ человѣка и насѣкомаго) наталкиваетъ на мысль о какой-то случайности, заставившей ихъ развиваться столь несходно. И вотъ Ламаркъ очень остроумно отдѣляется отъ этого затрудненія, перенося причину его, такъ сказать, изнутри наружу, путемъ предположенія, что причиною эволюціи жизни, со всѣмъ разнообразіемъ ея формъ, является совокупность совершенно *особыхъ причинъ*, исходящихъ изъ окружающей среды, въ видѣ „тонкихъ, никогда невидимыхъ токовъ, которые одухотворяютъ эти тѣла, и безъ которыхъ въ нихъ не было-бы жизни“. „Эти токи“—говоритъ онъ—„своимъ движеніемъ организовали живыя тѣла, модифицировали ихъ различными способами, измѣнились въ нихъ сами и произвели, мало по малу, то состояніе вещей, какое наблюдается въ этихъ тѣлахъ въ настоящее время“ ³⁾. Не трудно видѣть,

1) Клодъ Бернаръ. „Жизненные явленія, общія животнымъ и растениямъ“, 1878. стр. 108.

2) Наиболее типичнымъ поясненіемъ и даже, до извѣстной степени, конкретнымъ подтвержденіемъ мысли Ламарка служить вполне отчетливо установленная палеонтологіей, строгая послѣдовательность развитія копыта современной лошади изъ пятипалой лапы эоценоваго *фемалодуса* (*Phaenacodus*). См. *Богословскій*, цит. соч. стр. 393.

3) *Ламарк*. „Philosophie Zoologique“ т. I, р. 362. Цитирую по книгѣ Богословскаго: „Развитіе жизни“, стр. 418.

что такимъ образомъ, въ своихъ „одухотворяющихъ токахъ“ Ламаркъ уже очень близко подходитъ къ признанію нѣкоего *творческаго начала*, которое, положимъ, спасаетъ его систему отъ вторженія „случая“, но зато и уводитъ его отъ чисто рационалистическаго построенія въ столь ненавистную рационализму, метафизическую даль. Современный нео-ламаркизмъ, сознавая все неудобство такого приѣма, или возвращается къ указанной мною выше, своеобразной, направляющей разумности (одухотворенности) первичныхъ элементовъ организованной матеріи ¹⁾, или-же, вмѣстѣ съ бывшимъ матеріалистомъ Вейсманомъ, признаетъ, что въ природѣ царитъ „необъяснимое стремленіе къ совершенствованію“ ²⁾. Наконецъ столь основательно установленная, въ настоящее время нео-ламаркистомъ Де Фрисомъ, т. н. *мутационная теорія* учитъ насъ, что развитіе организмовъ шло не съ тою медленной постепенностью, какъ это предполагалось до сихъ поръ эволюціонизмомъ, но путемъ внезапныхъ проявленій измѣнчивости, „подобныхъ взрывамъ“ и способныхъ производить, сразу, сотни разновидностей ³⁾.

По этой теоріи, историческое развитіе жизненнаго процесса должно быть представлено уже не въ видѣ плавно развѣтвляющагося, генеалогическаго дерева, а скорѣе въ видѣ того же дерева, но съ внезапно расцвѣтающими на его вѣтвяхъ, вѣрообразными, мутационными схемами. Внезапные переходы вновь въ состояніе измѣнчивости (мутации) совершенно не поддаются какой-либо законмѣрности, а слѣдовательно здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ же „случаемъ“,

1) Такъ, напримѣръ, нео-ламаркизмъ даетъ слѣдующее объясненіе происхожденію глаза, необъяснимому дарвинизмомъ: „Ничего нѣтъ удивительнаго (?) въ томъ, что одиачъ, или нѣсколько изъ простѣйшихъ индивидуумовъ (кѣтокъ?) *отдѣлали* главной своей функціей исключительно собираніе лучей свѣта въ определенномъ мѣстѣ чувствующей плазмы *въ тѣхъ цѣляхъ и видахъ*, чтобы дать возможность всей колоніи (тѣлу?) лучше ориентироваться въ пространствѣ. Прозрачное студенистое тѣло такихъ простѣйшихъ легко могло модифицироваться въ мѣшокъ простого глаза, и т. д. (*Богословскій*, цит. соч., стр. 555). Курсивъ мой.

2) *Франсэ*, цит. соч., стр. 38.

3) Невольно воспоминается старое, давно заброшенное ученіе Кювье о катастрофахъ, предполагавшее періодическое исчезновеніе всѣхъ живыхъ формъ каждаго геологическаго періода и возникновеніе новыхъ, путемъ отдѣльнаго творческаго акта.

по уже возведеннымъ въ роль эволюціоннаго закона... Если же признать хоть какую нибудь справедливость за тѣмъ объясненіемъ мутацій, которое предлагаетъ, напримѣръ, Арманъ Готье ¹⁾, низводя ихъ причину (смѣшеніе плазмъ) въ таинственныя глубины молекулярной структуры протоплазмы, то та же случайность, не исчезая по существу, лишь углубляется окончательно въ едва ли достижимыя для насъ бездны матеріи, чѣмъ можетъ удовольствоваться развѣ лишь чистѣйшій агностицизмъ, вполнѣ удовлетворяющійся своими прикладными выводами ²⁾. И во всемъ этомъ мы легко обнаруживаемъ все то-же круженіе мысли около роковыхъ случайностей, обойти которыя не удастся сколько нибудь послѣдовательному раціонализму. Но невольно начинаетъ казаться, что изъ всего этого медленно, но твердо, вырѣзываетъ необходимость признанія творческой, разумной Силы, назвать которую Ея собственнымъ именемъ мѣшаетъ лишь вѣтвшійся въ плоть и кровь, рабскій страхъ передъ материалистическими фетишами.

Въ предѣлахъ и безъ того затянувшейся статьи, предназначенной, кромѣ того, не для спеціального журнала, мнѣ пришлось дать, конечно, лишь бѣглый очеркъ современнаго положенія двухъ наиболѣе коренныхъ онтологическихъ вопросовъ, на которыхъ особенно отчетливо выступаетъ неизбежность сведенія всего дѣла или къ совершенно явнымъ, или же лишь болѣе или менѣе остроумно замаскированнымъ, „первичнымъ случайностямъ“. Но царство „случая“ не ограничивается, въ наукѣ, этими двумя вопросами—его можно прослѣдить на всемъ необъятномъ протяженіи современнаго естествознанія, начиная съ кинетической теоріи газовъ, согласно которой безчисленныя и совершенно произвольныя движенія газовыхъ частицъ слагаются въ строго законѣрное давленіе упругой среды и кончая столь модными, въ настоящее время электронами, къ различнымъ внѣшнимъ формамъ и деформаціямъ которыхъ сводятся

1) Франсэ, цит. соч. стр., 84.

2) Такъ, напр. теорія А. Готье, повидимому, приводитъ къ возможности болѣе или менѣе сознательно совершенствоваться, путемъ смѣшенія плазмы, морфологическія особенности животныхъ и растений, что достигалось до сихъ поръ, совершенно безсознательно, скотоводами и садоводами, путемъ искусственныхъ скрещиваній и прививокъ.

чуть ли не всѣ самыя сложныя физическія явленія. Оказывается, что нѣчто вродѣ случая вторгается даже въ самый процессъ созиданія коренныхъ научныхъ взглядовъ, такъ какъ напр. по поводу созданія Максвелломъ его дѣйствительно гениальной электро-магнитной теоріи лучистыхъ явленій проф. Хвольсонъ замѣчаетъ: „Путь, которымъ Максвеллъ вывелъ основныя уравненія своей теоріи почти непонятенъ: они точно упали съ неба“¹⁾, а Больцманъ даже выставилъ эпиграфомъ своего изслѣдованія о теоріи Максвелла слѣдующія весьма характерныя для рационалиста слова: „*Was es ein Gott der diese Zeichen schrieb?*“

Все это даетъ мнѣ право закончить мою статью слѣдующими, по моему мнѣнію вполне справедливыми словами проф. Франсэ²⁾: „То обстоятельство, что „случай“ дѣлается творцомъ міра, съ невольнымъ, но тѣмъ болѣе горькимъ юморомъ характеризуетъ то міровоззрѣніе, которое на него полагается. Впрочемъ, долго это продолжаться не можетъ: уже теперь достаточно ясно, что переоцѣнка случая съ нѣкотораго времени начинаетъ рушиться. И теологи съ нетерпѣніемъ ждутъ того момента, когда она окончательно рухнетъ, ибо они вѣрятъ, что очищенный такимъ образомъ „матеріализмъ“ снова вернется къ старому деизму“. Добавлю лишь, что прежде всего необходимо, чтобы эти теологическія ожиданія, къ которымъ я отъ души присоединяюсь, не были надеждой на какую-то рѣшительную побѣду, на какое-то окончательное торжество. Тому Божественному Началу, которому служить искреннее и чистое отъ всякихъ иныхъ примѣсей богословіе, не нужны никакія побѣды,—Оно конечно выше ихъ. Ему нужны и цѣнны лишь души, входящія къ Нему со смиреніемъ и только съ одною гордостью—гордостью побѣды надъ самимъ собой, гордостью *свободнаго выбора* своего божественнаго пути. И пусть этотъ путь не страшитъ ихъ, такъ какъ кумиромъ столь очаровывающей ихъ своимъ внѣшнимъ блескомъ науки является, въ концѣ концовъ, не что иное, какъ только слѣпой „случай“, котораго не знаетъ Божественное Провидѣніе.

П. Страховъ.

¹⁾ *Chwolson*. Hegel, Haecckel, Kossuth, und das zwölfte Gebot, 1908, S. 33.

²⁾ *Франсэ*, цит. соч., стр. 30.